

ЛЕОН АЛЕКСЕЕВ

В ПОБЕГЕ
ОТ *себя*

18+

ЛЕОН АЛЕКСЕЕВ

В побеге от себя

<https://litres.ru/74447867>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что происходит, когда виртуальная паутина становится осязаемой? Один человек бежит от пустоты развода, пытаясь вернуть идеальность. Другой видит мир глубже остальных, не замечая расставленной ловушки. Третий служит лишь красивой приманкой.

Когда объект виртуальной страсти решает приехать, хрупкий карточный домик из чужих фотографий начинает разрушаться. Ложь переплетается с правдой так тесно, что истину невозможно разглядеть. Ревность затмевает разум и чтобы удержать контроль-выход только один- убийство.

Здесь каждый невинен и каждый виновен.

Содержание

Пролог.	5
Часть 1	19
2	25
3	33
4	44
5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

ЛЕОН АЛЕКСЕЕВ

В побеге от себя

Я всегда твердил, что судьба – игра.

Что зачем нам рыба, раз есть икра.

Что готический стиль победит, как школа,

Как способность торчать, избежав укола.

... Я сижу у окна. Я помыл посуду.

Я был счастлив здесь, и уже не буду.

И. Бродский.

Пролог.

Забытые на несколько секунд мысли мгновенно и злобно мстили. Но потом снисходила любовная эйфория, как в молодости. Незабываемые мгновения. И она улыбалась, кривя круглые губы. Мозг привык пылать огнём. В нём горели обрывки мечты. Почернелые, как уголь, они ни для чего не годились, но надежда ещё оставалась.

Полина Юрьевна Астафьева никак не могла принять свою жизнь. Ей сорок лет, она стройна и хороша собой. Но постоянное недовольство тем, что нельзя повернуть время вспять, ранило и вызывало раздражение.

Она вышла на террасу, лениво оглядывая заброшенный сад позади дома. Старые яблони, груши, разросшаяся слива, под окном россыпь элегантных фиалок, а у правой стороны забора бурьян из малины. Узкая, почти заросшая дорожка бежит, извивается по всему саду, вдоль неё посажены тюльпаны, нарциссы, лилии, хризантемы и два кустика пиона, гордость Полины Юрьевны. Чуть подальше кусты красной и чёрной смородины, крыжовник. У забора тонкая вишня, ягоды которой никогда не собирались.

- Барсик! Барсик!

Ей хотелось забрать кота в дом, чтобы покормить, но рыжий комочек счастья не собирался показываться.

Сегодня приятный июньский вечер, солнечные лучи яр-

ки, на небе ни облачка. Полина Юрьевна поправила лямки на старой майке, нагнулась, чтобы лучше рассмотреть кусты. Кот, конечно, спрятался там. Играет с ней.

- Барсик!

Светлая чёлка упала на глаза, женщина легко откинула её. Надо оставить дверь в дом открытой. Не станет же она звать кота до утра! Безобразник обязательно прокрадётся следом, прыгнет на колени и станет нетерпеливо заглядывать в глаза.

Она разогнулась и посмотрела на улицу, туда, где остановился автобус, высаживая редких пассажиров. Дочь сегодня не приедет, останется у бабушки с дедушкой. В этом году она окончила школу и подала документы в педагогический институт. Обязательно поступит, в этом у Полины Юрьевны не было сомнений. Умная, добросовестная девочка.

Но взгляд привычно скользил по прибывшим пассажирам, высматривая знакомый силуэт. Вдруг передумала и захотела вернуться домой?

Напрасные ожидания. Ей нравится гостить у бабушки с дедушкой. В последнее время особенно часто. Девочка с благодарностью принимала частые приглашения, не оглядываясь на маму. Полина Юрьевна подавила тяжёлый вздох. Но всё же в груди шевелилась непримиримая ревность. Душа, конечно, за дочь не болела. Ничего плохого с ней там не случится. Родители мужа прекрасные люди, которые в девушке души не чаяли. Выполняли любое её желание. Вот в прошлом году возили её в Грецию, потому что дочери хотелось

увидеть Афинский Акрополь. Она была вне себя от счастья и захлебываясь словами, рассказывала матери по телефону про это сооружение, поразившее своим невероятным величием. Полина Юрьевна далека от истории и от того, чтобы восхищаться древними руинами. Желчно считала дни до прибытия дочери домой.

Мысли несутся, как громада облаков. Она отвлеклась, забыв про кота, которого пыталась найти. Люди уже разошлись кто куда, автобус уехал. Один человек задержался, что-то смотрит в телефоне.

Полина Юрьевна внимательнее пригляделась к нему. Рассеянные мысли оборвались, как натянутая струна. Тело стало чужим, деревянным. Она целую вечность стояла, не шевелясь, чувствуя, как в голове разрываются снаряды. Затем словно очнувшись, резко развернулась к дому, но воздух вдруг стал слишком густым, легкие толкали его обратно, отказываясь принимать вдох.

Она задрожала. В глазах появился ядовитый блеск.

Кто это?

Она развернулась, собираясь вернуться в дом. Дыхание стало прерывистым, она задыхалась от возмущения и ужаса. Скрыться. Запереться. Пальцы похолодели и не гнулись, неспособные даже удержать ручку двери.

Который час? Циферблат перед глазами плыл, превращаясь в белое пятно.

На террасе слышалось громкое мяуканье, а затем цара-

пающие звуки. Кот дождался, пока она скроется в доме и добрался до кресла, которое нельзя трогать. Полина Юрьевна не убрала с него новое покрывало. И теперь ему грозила неминуемая гибель от острых когтей Барсика.

Но не всё ли равно?

Паника осторожно крадётся по шее, вызывая дрожь. Руки совсем заledenели, превращаясь в сосульки. И летний вечер, перечёркнут дыханием зимы, которое исторгается из глубин испуганной души. Барсик вновь подал голос, затем сделал первую попытку испортить покрывало. От звука когтей по прочной ткани женщина очнулась.

- Негодник!

Она прислушалась, но кот чувствовал, что хозяйка рядом, поэтому удвоил усилия. Потерять хорошее покрывало Полина Юрьевна не решилась, поэтому осторожно отворила дверь. Животное развалилось на деревянном полу террасы, жмурясь на солнышко, протянув лапы к креслу, лениво хватаясь когтями за край ткани.

- Барсик, иди сюда!

Кот не шёл, ей пришлось выйти из дома и взять его на руки. Чтобы скрыть возбуждающий страх, она склонилась к животному и зашептала ласковые слова. И тут сердце оборвалось и ушло в ноги. Во рту появился металлический вкус крови, потому что она с силой сжала губу зубами. Особенная дрожь пробежала по телу. Вместе с ней появилась мысль о том, что он уже пересёк улицу.

Идет медленно. Она знает, что ему с трудом дается каждый шаг.

Незнакомец подошёл к калитке, неуверенно открыл её и зашагал по дорожке к дому. Почему она не заперла ее? Полина Юрьевна следила за ним, дрожа всё сильнее. Она не решилась убежать в дом, судорожно обдумывая дальнейшие действия, выпрямляясь, почти не дыша. Тёплый ветер осторожно колыхал листву деревьев. На стену дома приземлился толстый жук и пополз вверх, но неожиданно сорвался, упал, обиженно жужжа и расправляя крылья для нового полёта.

Незнакомец увидел женщину, смутился, на миг остановился, но, не услышав слов протеста, поднялся по ступеням, оказавшись перед хозяйкой лицом к лицу.

Полина Юрьевна вспыхнула, покрываясь потом. В одно мгновение застучало в висках. Она подумала, что, скорее всего, умрёт здесь, на этой террасе, с котом на руках от разрыва сердца. С горечью прониклась жалостью к себе, преисполняясь желанием покоя. Как хорошо бы закрыть глаза, а когда открыть их, понять, что все события, сон! Она готова пожертвовать новым покрывалом. Пусть Барсик делает, что хочет! Ведь она спит! Это же не может быть явью! Этого человека не существует в её реальности! Он - лунная пыль, видение бессонной ночи.

- Здравствуйте!

Полина Юрьевна удержалась от ответа, лишь кивнула, придавая лицу холодное равнодушие и недоброжелатель-

ность. А он волновался, стараясь не показать вида, переминался с ноги на ногу, в мешковатых спортивных брюках и футболке, вспотевший и уставший с дороги. Он был будто тёмный мазок среди ярких красок лета, буйной зелени и лазурной синевы неба.

- Полина дома?

Голос пронизывает до костей. Разве можно иметь такой голос? От него сразу мурашки разбегаются по коже.

Кот, царапнув руку, скатился на пол и бросился в сад. Ему не понравилось напряжение хозяйки.

- Её нет.

Она еле владела собой, понимала, разговор серьёзен и много значит для всех. Но как отвечать, чтобы сохранить лицо? Полина Юрьевна предчувствовала, этот момент настанет. Но не думала, что парень решится. Надеялась, что этого не случится, потому что всё глупо, неясно. Зачем он приехал в такую даль? Ради глупой девчонки, у которой на уме куклы Барби и розовые пони? Она может до ночи смотреть сериалы про любовь, вампиров или сказочных существ. В её мире реальность смешана с феями, она верит, что оборотень способен на страстную любовь и предполагает, что впереди много времени, а смерти не существует вовсе.

А, может, он приехал ради нее?..

Какое разочарование постигнет всех их с этим приездом.

- Вы не скажете, когда она придёт?

- Не скажу.

Она хотела его смутить, потому что внутренний хаос никак не поддавался успокоению. Но гость был настойчив. Он вежливо улыбался, в его глазах блестели лучи угасающего солнца. Она ощутила легкий запах его тела, и сердце болезненно сжалось. Хотелось с визгом радости броситься ему на грудь. Но эти чертовы сорок лет! Сорок лет! Он моложе на двадцать. И это имеет значение. Огромное. Потому что он ничего не знает о том, что знает она.

- Тогда вы, может быть, передадите, что я заходил?

- А вы кто?

- Друг Полины.

- Я знаю всех друзей дочери. Но вас вижу впервые.

Ложь бывает во спасение, а эта ложь - первый гвоздь в крышку гроба.

Голос прозвучал резко, так, как она хотела. Вперила в него негодующий взгляд, предполагая, что выглядит молодо и привлекательно в этой старой майке, полуобнажённой грудью, с худыми костлявыми плечами, как у подростка.

- Простите, я не представился.

- Вот именно!

- Меня зовут...

- Меня не интересует, как вас зовут! Я хотела бы понять, кто вы. И отчего решились претендовать на высокое звание друга моей дочери?

Молодой человек не нашелся с ответом. Она обрадовалась, что унизила его. Кажется, начала успокаиваться. Хоте-

лось бросить ему в лицо правду, от которой ещё вчера было страшно. Но сегодня, глядя в его нахмуренные, глубоко посаженные карие глаза, отчего-то стало легко и весело.

- Я никогда не видела вас раньше, а у нас с дочерью нет секретов друг от друга. Подозреваю, вы пытаетесь обмануть меня.

- Нет, я не хочу обмануть вас. Я приехал из Москвы, чтобы повидаться с ней. Мы дружим уже полтора года.

- Вы приехали из Москвы?!

Как правдоподобно она изобразила удивление. Конечно, она знала, откуда он приехал. Через два часа последний поезд, на котором он уедет обратно. Расписание изучено «от и до», она даже сможет показать на карте его дом, его улицу, окно с белыми шторами, а на подоконнике стоит принтер, потому что места на столе не хватило. А если заглянуть в комнату, то виден старый книжный шкаф, ещё дедушкин, который пятьдесят лет преподавал математику и умер через неделю после того, как удалился на пенсию.

Главное, успокоиться окончательно.

В её глазах промелькнуло сожаление, но через миг они вновь подёрнулись ледяной дымкой жестокого равнодушия. Полтора года! Если до точности, то год, семь месяцев и три дня.

- Здесь какая-то ошибка. Я, повторяюсь, знаю всех друзей дочери. Но про вас не знаю ничего.

- Понимаю... она вам не рассказала, но...

- А я ничего не понимаю. Что она должна была рассказать мне?

- Мы дружим, но никогда не встречались раньше. Познакомились в интернете, в одной поэтической группе...

- Вон оно как.

Да он пытается быть честным. Почему-то это ее раздосадовало. Мог бы соврать. Сохранить тайну.

- Я пытался дозвониться до Полины, но у неё недоступен номер. Я бы никогда не пришёл, чтобы беспокоить вас. Хотел пригласить её погулять...

- Так дочь не знает, что вы приехали?

- Конечно, знает.

- Но не соизволила встретить вас? Она на несколько дней уехала повидаться с родными. И совершенно не предупредила, что к ней нагрянут гости.

Ложь не смутила ее.

- Возможно, я неправильно выразился.

- Нужно было выражаться яснее. Что вы хотите от неё?

- Просто погулять.

- Вы хотите, чтобы я поверила вам?

В его глазах промелькнуло нетерпение. Он не собирался терять драгоценное время на общение с женщиной, которая не выражает ни капли доброжелательности. Она не интересна ему. Но у него не было выхода.

Кажется, он собирался уйти. Не этого ли она добивалась. Но страх вонзился в сердце с удвоенной силой: до обратно-

го поезда уйма времени. Что он станет делать? Ей хотелось разрушить его, уничтожить, чтобы потом, лениво зевая созерцать останки. Как он посмел приехать? И почему смотрит на нее с непроницаемостью, будто она пустое место?

- Скорее всего, она забыла о вашей договорённости, если таковая была. Или ей некогда, или не интересно! Вы знаете, что она поступает в институт?

- Да, в педагогический.

- Тогда понимаете, что девочке некогда тратить время на глупости.

- Я хотел только повидаться и отдать ей подарок.

Он дотронулся до лямки рюкзака. Полина Юрьевна взмахнула руками. Нельзя позволять слишком интимный жест. Иначе она не выдержит.

Она не могла придумать, как отвратить его от дочери, ведь она никогда на это не согласится! Никакой дружбы! Никаких отношений! Но парень настойчив. Это она тоже знала.

- Не надо подарков! Мы не принимаем ничего от посторонних. Вы должны понимать. К тому же у дочери вроде бы есть какой-то парень. Она много времени проводит с ним.

- Про Максима я знаю. Но она еще ничего не решила окончательно.

Скажите, пожалуйста! Она задыхнулась от возмущения.

Нужно уходить, попрощаться, но Полина Юрьевна не могла оторвать взгляд от гостя. Её раздражала его молодость. И привлекала одновременно. Приводила в отчаяние. Требо-

вала свершения поступков. Чистая кожа, кудрявые волосы, нерешительность движений. Ей хотелось, чтобы он считал её равной себе, проявил заинтересованность в знакомстве, ведь Полина Юрьевна хороша собой. У неё прекрасная фигура, стильная стрижка. Она умна и темпераментна. Она разговаривает с ним смело. Не боится смотреть в глаза, снисходительно улыбается. Кажется, он всё понял. Лицо стало непроницаемым, но губы с трудом скрывают разочарование, а глаза тоску.

- Вы простите, что побеспокоил вас.

- Да уж... неожиданное знакомство.

Её глаза метали молнии, движения рук были нервны. Но гость уже не смотрел на неё.

- До свидания. Простите ещё раз за беспокойство.

Вот он сейчас так просто уйдет?

И тут она ошетибилась, как дикая кошка, принимая его слова за оскорбление. Хмыкнула, расправляя плечи, чтобы подчеркнуть небольшую округлую грудь. Смотрела на него вызывающе, будто он сумасшедший, не понимающий и не знающий как вести себя в приличном обществе.

Он даже не взглянул на неё. Развернулся, выставляя на обозрение изуродованную спину. Мешковатая одежда не скрывала явного изъяна: горб очевиден, но словно инородное тело, никак не сочетающееся с сильными руками, с трагическими глазами, упрямым ртом и потрясающей молодостью. Полина Юрьевна сглотнула горячую слюну. Высоко-

мерие рассыпалось прахом, совершенно исчезая. Она знала, что и правая нога у него изуродована. Шрамы не видны, скрытые плотной тканью, он никогда не раздевается на людях. Иногда он передвигается на инвалидной коляске. Это в крайних случаях. Но сейчас видно, что парень устал. Ему требуется отдохнуть, а то он не сможет дойти до станции. А она ему даже стакан воды не предложила.

- Пойдите...

Он обернулся. Она пыталась удержать его, продлить муку.

- А как вы познакомились, можно поподробнее? Что это за дружба?

- Пусть вам Полина расскажет.

- Но я хочу услышать от вас! Неужели что-то неприличное?

Парень вздохнул, на секунду задумавшись. И снова она поразила молодую нежную кожу, густым кудрявым волосам, кажется, у него и родинка над губой, еле заметная. Когда не видно уродства, то не испытываешь раскаяния. Всплеск желчи превратил робкую улыбку в колючую усмешку.

- Мы любим стихи Бродского.

- Знакомство в интернете лицемерно прикрывает поэзией?

Он бросил на неё испуганный взгляд, потому что постарался построить ответ нейтрально. Но Полину Юрьевну не проведёшь. Она же знает, что он помешан на любви к ней. При чем тут какие-то дурацкие стихи?

Она чувствовала его волнение, по щеке тонкой струйкой стекал пот. А она зло улыбалась. Наконец, он решился:

- А что плохого в виртуальном знакомстве?

- Молодой человек, в этом нет ничего хорошего, потому что в интернете нет личностей реальных, всё придумано, всё разыграно.

- Да, этот стереотип давно сложился...

- Стереотип? Ну, знаете ли!

- Не каждый станет менять свою личность, потому что для многих это совершенно не важно. Им нечего скрывать. Почему я не могу остаться собой? Не обязательно изображать человека-паука.

Он заговорил о том, что интернет не зло, а свобода. Есть люди, которые просто общаются, не преследуя преступных целей.

- Поэтому вы здесь? - Насмешливо спросила она. - Приехали обсуждать личность Бродского?

Парень бросил на неё пронзительный взгляд. Он не собирався откровенничать. И так сказал слишком много, не надеясь на понимание. Снял с плеч рюкзак, расстегнул молнию и достал книгу в фиолетовом переплёте. Протянул ошеломлённой женщине, которая наблюдала за ним, стараясь не пропустить ни одного движения.

- Передайте, пожалуйста, Полине! И до свидания!

Но ярость выплеснулась наружу, на глазах блеснули слёзы. Книгу она не взяла, фыркнула, зашипела на него, как

кошка:

- Я не знаю, что ты задумал, но держись подальше от моей дочери! Понимаю, что ты ищешь красоток в интернете, в реальной жизни тебе не дано с ними общаться! Посмотри на себя! С тобой можно дружить только из жалости! Уноси свою книгу и убирайся! Иначе я позвоню в полицию!

Это было жестоко. И Полина Юрьевна не была злой по натуре, просто сдали нервы. С ней частенько случались нервные срывы, во время которых она закрывалась в комнате и плакала под песни «Ласкового мая», могла выпить бокал вина и уснуть мертвецким сном. Но никогда не приходилось ей оскорблять человека за его внешние качества, за болезнь или инвалидность. За неожиданную несдержанность поплатилась толчком крови в голову, схватилась руками за горло, чтобы подавить рыдание.

Что-то очень разволновалась из-за неожиданного гостя. Давно с ней не случались истерики. Но сегодня, будто демон окутал её своими чёрными крыльями, она ослепла от гнева.

Молодой человек ушёл, а она всё стояла, сцепив на груди руки, прислушиваясь к себе, ощущая лишь пустоту, стыд и желание провалиться сквозь землю.

Часть 1

1

Дом перестали строить давно. Но он все -равно выглядел самым величественным в поселке. Два этажа, огромный холл, широкая винтовая лестница, подвал, где пытались устроить винный погреб. Место, где никогда не было скучно.

Яна неподвижно сидела на подоконнике, задумчиво смотря вдаль. Любимая поза, прекрасный вид из окна: старые липы поселка, умытые грозой. Синие глаза искрятся, длинные рыжие волосы собраны в небрежный хвост, несколько прядей прилипли к вискам от влажного воздуха. С улицы доносится густой, почти осязаемый запах озона и мокрой травы. Яна вдыхала этот аромат полной грудью и улыбалась.

Всё в её жизни казалось симметричным и правильным, как кадр из дорогого фильма. Школа позади, впереди университет и новая комната в квартире отца. Развод родителей, который когда-то казался катастрофой, сложился в удобную формулу: два дома, двойная порция любви. Она чувствовала, как счастье пульсирует в венах, горячее, золотистое, обещающее, что так будет всегда. Сейчас намного лучше. Спокойно и легко. Особенно ей нравилось у папы. Светлая, просторная квартира в Нижнем Новгороде, где чисто и уютно. Вкусная еда, красиво поданная на новых тарелках. Рыбки в

аквариуме, мягкие коврики в прихожей, книжные полки с интересными авторами, коллекция манги и живые цветы на подоконнике.

В родном доме, который раньше был просто летней дачей, тоже хорошо, но в последнее время общение с мамой тяготит. В холодильнике появились бутылки с вином, пельмени, готовые салаты с кислым майонезом из соседнего магазина, дешёвая копчёная колбаса и вермишель быстрого приготовления. Иногда мама будто просыпалась и начинала прибираться в доме и готовить обед. Но в основном вечера проводила за компьютером, закрывшись в своей комнате. Яна тогда шла и покупала себе булочку с маком и йогурт. Ей не приходило в голову заменить маму на кухне.

Телефон рядом вибрировал, не умолкая. Экран то и дело вспыхивал от уведомлений. Пять тысяч подписчиков в соцсетях, её личная армия обожателей. Сотни «лайков», восторженные комментарии под фото, где она смеется, подставив лицо солнцу. Яна привыкла к этой любви. В её мире не было места уродству, зависти или боли. Она уверена: если ты улыбаешься миру, мир не посмеет ударить тебя в ответ.

Степа сидел у соседнего проема, где когда-то должно было быть окно, и не сводил глаз с Яны. Она говорила об отце, о переезде, о новой жизни, но её голос в пустых залах дома приобретал странное, чуть глухое эхо. Степа слушал не слова, а интонации. Ему казалось, что за этими словами счастливого ребенка разведенных родителей скрывается тонкая

трещина, которую Яна тщательно замазывает яркими красками своих фантазий.

- Знаешь, это место все обходят стороной, - Яна обвела рукой облупившиеся стены, которые должны были быть покрыты дорогой штукатуркой, но остались голыми и холодными.

- Неужели так страшно? - Степа лениво улыбнулся.

Он смотрел вниз, где дремучие, почти черные заросли шиповника медленно, но неотвратно пожирали подъездную дорожку. Колючие ветки, похожие на крючки, цеплялись за края камней, будто пытаясь утащить остатки цивилизации в бездонную зеленую пасть. Буйные, жирные сорняки с мясистыми стеблями пробивались сквозь ровный булыжник, дробя его мощными корнями, словно сама земля пыталась стереть, вытравить любые следы человеческого присутствия и былых амбиций хозяина с этого места.

Ветер, налетевший со стороны леса, запутался в густой листве старых лип, и этот звук, прерывистый, свистящий напомнил Степану чьи-то сухие, предсмертные вздохи. Или шепот человека, который долго сидел в темноте и разучился говорить. В воздухе, помимо свежести дождя, внезапно проступил едва уловимый, тяжелый запах застоявшейся воды и гнилого дерева, идущий из глубины особняка.

Степе на мгновение показалось, что дом не просто пуст, он затаился. Как хищник, который привык, что его боятся, и теперь терпеливо ждет, когда в его чрево добровольно зайдет

новая жертва.

- Хозяин этого дома покончил с собой, когда его жена умерла, - Яна обернулась, и на мгновение её синие глаза показались Степе бездонными. - Когда я была совсем маленькой, мы приезжали сюда на лето. Я помню этого человека смутно, какие-то детали. Большая блестящая машина, строгий костюм и лицо, которое никогда не знало улыбки. Некоторые говорят, что он не вынес одиночества. Злые языки, что просто спился от тоски. Но дом так и остался...

- Тебя не пугает, что мы здесь? Среди призраков и всего этого мусора?

- Наоборот. Мне это место кажется очень романтичным. И это не мусор, это интерьер дома, его душа, - она подошла ближе, и запах свежести после дождя смешался с запахом пыли и старого камня.

- Разбитые плиты, отвалившаяся штукатурка- это интерьер? - Улыбнулся он.

- Да, это интерьер. Не смотри в самый корень. Подключи воображение.

- Я стараюсь.

- Здесь нас никто не увидит. Мы как будто в другом измерении.

- А вдруг кто-то тоже облюбовал это место? - Степа невольно понизил голос, оглядываясь на темный зев лестничного пролета, ведущего в подвал.

- Нет, - Яна покачала головой, и её рыжие волосы вспых-

нули в лучах заходящего солнца. - Скоро ты поймешь, в нашем поселке люди верят в проклятия больше, чем в здравый смысл. Даже в двадцать первом веке они боятся злых призраков. Многие смотрят экстрасенсов по телевизору и не забывают запереть двери на сто замков.

Степан перевел взгляд с мрачных зарослей на Яну. В этом полуразрушенном особняке, среди бетонной пыли и эха прошлого, её рыжие волосы казались единственным ярким пятном. Он подошел ближе, чувствуя тепло ее тела.

- Значит, проклятое место? - он коснулся кончиками пальцев её ладони, осторожно, будто проверяя, не растает ли она в этом сумраке. - Тогда мне здесь нравится еще больше. В проклятых местах обычно происходят важные события.

Яна обернулась, и Степан увидел в её глазах не страх перед историей дома, а ту самую беззащитную нежность, которую она так тщательно пыталась скрыть, притворяясь счастливой с разведенными родителями.

- Мама говорит, что в жизни нужно выбирать только самое лучшее, самое чистое, - тихо произнесла она, глядя, как Степан переплетает свои пальцы с её. - Но здесь, в этих развалинах, мне дышится легче, чем в нашем доме. Здесь никто не ждет от меня, что я буду идеальной. Я могу попытаться быть собой.

- Будь, кем хочешь, Ян, - Степан притянул её к себе, заставляя забыть о грусти. - Ты красивая, добрая. Настоящая. И я хочу, чтобы ты знала, я буду тем, к которому ты сможешь

прийти, когда устанешь быть идеальной.

Яна уткнулась лбом в его плечо, вдыхая запах его футболки.

- Иногда мне кажется, - прошептала она, - что всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Что я просто сплю, и скоро кто-то меня разбудит.

Степан крепче обнял её, чувствуя, как быстро бьется её сердце.

- Пусть пробуют, - глухо отозвался он.

- Степка...

- Я тебя никому не отдам.

Он приподнял её лицо за подбородок. В полумраке заброшенного зала их поцелуй был долгим и нежным. Они были счастливы, радуясь тому, что вместе.

Степан вернулся в Нижний Новгород на вечерней электричке. Тяжелые пакеты с продуктами, купленными по списку матери, оттягивали руки, но он почти не замечал их веса. Мысли были заняты Яной. У него самого в семье всё было просто, но он чувствовал ту глубину тревоги, в которую погружалась его девушка. Ему хотелось быть для нее опорой, защитой. Поэтому он изо всех сил пытался вникнуть в ее проблемы и мысли.

Они были вместе всего месяц - срок не большой, но Степану казалось, что он знает о ней всё. Яна была из тех редких людей, чья честность граничит с незащищенностью. Она не умела и не хотела лгать, поэтому сразу выложила всё о своём «бывшем» Максиме. И Степан восхищался этой кристальной честностью. Не каждая девчонка станет рассказывать о «бывших».

Максим Локшин. Ударение на последний слог. Яна рассказывала последнюю истерику матери, когда та требовала от дочери немедленно прекратить отношения со Степаном. «Что у него за фамилия Рябушев? Разве можно быть Рябушевой? Ты этого хочешь? Фамилия – это твое будущее, запомни!». Яна грустно посмеялась, но Степан немного оскорбился за свою фамилию, против которой совершенно ничего не имел.

Степан невольно сжал ручки пакетов. Он видел Максима пару раз в посёлке, и этот образ намертво впечатался в память. Максим выглядел так, будто сошёл с обложки дорогого глянца: высокий, смуглый, с небрежно рассыпанными по плечам длинными волосами и той самой наглой, широкой усмешкой человека, который привык получать всё по первому требованию. Его томный взгляд сквозил превосходством, а рельефные мышцы, ставшие результатом бесконечных часов в спортзале, казались Степану почти уморительными, но от этого не менее внушительными.

Степан не уступал ему в росте, но в остальном чувствовал себя слабовато. Очки в простой оправе, сутулость студента, привыкшего склоняться над чертежами и пробами почвы, ведь Степан учился в сельскохозяйственном. Еще один триггер матери Яны. «Кем он будет работать в Нижнем Новгороде? Ведь он там живет? Засеет Покровку картошкой? Или лестницу Чкалова горохом? Кто выбирает такие профессии совершенно не нужные в городе? Ему придется переехать жить в деревню. В глушь. Ты готова это сделать вместе с ним? Ты готова работать на ферме со своим будущим педагогическим образованием? Слушай, а подай документы в какое-нибудь затрапезное училище. Пока не поздно».

Несмотря на всю грубость и пренебрежение сказанных слов, во всем этом была доля правды. И Яне надо было подумать, согласна ли она со Степаном в будущем переехать, например, в область?

Что плохого жить на природе? Ведь сами-то они живут в своем поселке для бездельников, то есть в Фиалковом Просторе. Яна говорила, что поселок выстроили на месте фиалкового поля, отсюда и название.

Конечно, это необходимая мера, ведь родители девушки в разводе. И этот дом достался им после раздела имущества. Но почему Степану зазорно работать в поле или на ферме, ведь он любит возиться с землей? А вот Максиму не зазорно жить в поселке свою лучшую жизнь, не работая, проводя в интернете какие-то спортивные тренировки.

Степан мучительно возмущался и расстраивался, но поделать ничего не мог.

Для Яны всё было предельно просто, она не любила Максима, и эта ясность пришла к ней почти мгновенно. Однако в её глазах он оставался «хорошим человеком». У неё был свой, неоспоримый маркер порядочности.

В сознании Яны жила опасная, почти сказочная уверенность, красота и зло- это параллельные прямые, которые никогда не пересекаются. Она верила, что, если красивый мужчина совершает ошибку, его можно «исправить». Но физическое уродство для неё всегда шло под руку с предательством, насилием и злом. «Маньяки не бывают прекрасными принцами», - говорила она, вспоминая иллюстрации из книг, где злодеи всегда были отмечены печатью физического изъяна. Карлики, горбуны, люди с перекошенными лицами - в её воображении их души были так же деформирова-

ны, как и тела. Она была уверена: обиженные природой люди ожесточены настолько, что их единственная цель - уничтожить красоту, которой они лишены. «Призрак оперы», «Дом в котором», «Любовь Гика», «Кровавый меридиан», Франкенштейн» - Яна считала эти книги и многие другие доказательством того, что люди некрасивые никогда не будут счастливы.

Степан слушал её рассуждения, и внутри у него всякий раз что-то неприятно ёкало. Он, читающий Ричарда Докинза, привыкший доверять фактам, а не книжным стереотипам, в корне не соглашался с этой теорией.

Но влюбленность действовала как анестезия. Он списывал это на «девчачьи причуды», на милую наивность, убеждая себя, что эта слепая вера в «красивое добро» со временем пройдет. В ней нет глубины. Она не пустит корни.

Он молчал, считая, что каждый человек имеет право на свое мнение. Боялся, что если не поддержит ее, то они поругаются. А ругаться не входило в планы Степана.

Их переписка была похожа на непрерывный цифровой пульс. Любая свободная минута превращалась в повод для короткого сигнала смс в кармане. В сети Яна преображалась, исчезала ее робость, уступая место остроумию и беззаботности. Её профиль был блестяще построен - с аватарки смотрела решительная Гермiona Грейнджер, а стена пестрела цитатами Достоевского и Франзена.

Степан и Яна выстраивали свой общий мир из одинако-

вых фильмов, музыкальных треков, и бесконечных рядов любовных смайликов.

Сейчас, покачиваясь в душном автобусе, Степан набирал сообщение, улыбаясь про себя. «Еду и думаю о тебе, напротив- сидит бабуля в геймерских наушниках, закрыла глаза и балдеет. Я бы скинул фотку, но боюсь, что она откроет глаза и заметит. Тогда придется бежать. Ян, мне тебя не хватает».

«И мне тебя не хватает».

«Я скучаю»

«И я скучаю»

«Что делаешь?»

Ответ Яны заставил его посерьезнеть.

«Я сижу на скамейке под липой. Знаешь, так не хочется идти назад... Наверное, я плохой человек. Я совсем не поддерживаю маму. А ей так плохо. Думаю, что надо проводить с ней больше времени».

Степан почувствовал, как внутри кольнуло нехорошее предчувствие. Эта жертвенность Яны, её вечное «лучше не нервировать» перед лицом материнского контроля, казалось ему ненормальной. Мама же должна понимать, что Яна не часть ее, а вполне самостоятельная личность. Он возмущался и спорил, но дальше мыслей это не уходило.

«Напиши, как будешь в своей комнате. Я волнуюсь»

Экран мигнул. Последнее сообщение от Яны заставило его сердце пропустить удар:

«Мне кажется, я в тебя влюбляюсь...»

Степан смотрел на эти слова, пока экран телефона не погас, отразив его собственное взволнованное лицо. Он едва не проехал свою остановку, вовремя заметив за окном знакомый павильон. Его глаза буквально светились, а на губах играла такая открытая, мальчишеская улыбка, что проходящие мимо девчонки невольно прыскали в кулак, оборачиваясь ему вслед. Мир вокруг внезапно стал ярким и податливым.

Степан спохватился и быстро написал ответ:
«А я в тебя уже».

А в это время Яна пересекала сквер. Сумка на плече ритмично подпрыгивала, не умолкая от вибрации.

«Какие цветы любишь?»

«Все люблю»

«Как насчет красных роз?»

«Хорошо...»

«Или лучше розовые! Семьдесят семь штук!»

Яна рассмеялась прямо посреди дорожки.

«Почему именно семьдесят семь?»

«Мне нравится это число. Оно приносит счастье».

Сквер жил ленивой субботней жизнью: мамочки с колясками обсуждали свои дела, дети с криками носились по стриженным лужайкам. Яна чувствовала себя главной героиней фильма. Ей кружило голову от осознания собственной привлекательности- огромный букет, кафе, ледяная пинаколада

и мужчина, который смотрит так, будто ты - центр вселенной.

Уже у самого магазина она на ходу стянула с волос резинку. Тряхнула головой, позволяя локонам рассыпаться по спине тяжелой волной. Парень на велосипеде, проезжавший мимо, загляделся, что едва не вылетел с тротуара на газон. Яна задорно махнула ему рукой, звонко засмеялась. Она была готова обнять весь мир, и именно в этот момент её взгляд зацепился за человека на скамейке.

Не старый, но какой-то сложный, уставший. Темные кудри упали на глаза. Футболка прилипла к телу от пота. Она сразу заметила горб и быстро перевела глаза на его лицо. Он тоже смотрел на нее.

Это был странный, тяжелый взгляд, будто он знает ее давно. Карие глаза смотрели в упор - настороженно, пронзительно, без тени ответной радости. Он сидел, немного ссутулившись, отставив в сторону ногу, будто она причиняла ему нестерпимую боль. Яна на секунду отвернулась, почувствовав легкий холодок страха, но тут же упрямо посмотрела снова и ослепительно улыбнулась незнакомцу.

Он не шелохнулся. Его лицо осталось неподвижной маской, но Яна была слишком окрылена, чтобы вникать в чужую меланхолию. «Наверное, просто несчастный человек», подумала она, входя в прохладу магазина. Купила бутылку лимонада, искренне надеясь, что капля её радости незримо передастся этому угрюмому человеку на улице.

Однако, когда через пару минут она вышла на крыльцо, скамейка была пуста. Сквер как будто стал на тон тише. Яна пожала плечами, тут же вычеркнув странного незнакомца из памяти. В сумке снова настойчиво звякнул телефон, и она, заулыбавшись экрану, поспешила дальше, не замечая, что за её спиной длинные тени деревьев, начали медленно удлиняться.

Небольшой зал вокальной студии был наполнен гулким эхом и запахом пыльных кулис. Яна и Наташа устроились в среднем ряду, стараясь слиться с полумраком. Обе в джинсах, майках и темных очках - их можно было бы принять за сестер, если бы не детали. Наташа, жгучая брюнетка с такими же длинными волосами, как у Яны, была одержима «улучшением» себя. Её густые, тщательно выведенные брови и тяжелые веера наклеенных ресниц казались инородными на молодом лице, а фанатичный загар выдавал часы, проведенные в солярии. Наташа уже полгода откладывала каждую копейку на увеличение груди, считая свою природную внешность недостаточно хорошей.

На сцене, точно в эпицентре шторма, металась руководительница студии, маленькая, плотная женщина с копной вызывающих желтых волос. Её голос, подобно трубе, прорезал пространство, раздавая едкие указания.

- А теперь ты! - рявкнула она какой-то невысокой девчонке. - Пой то, что репетировали в прошлый раз!

Из колонок раздались странные, мычащие звуки. По залу прокатился смешок. Руководительница обвела ряды таким свирепым взглядом, что смех мгновенно прекратился.

- Приходила бы ко мне ночевать, - прошептала Наташа, придвинувшись к самому уху Яны и совершенно игнорируя

происходящее на сцене.

- Был бы еще больший скандал, - Яна покачала головой, глядя в одну точку.

- Не понимаю, что ты такого сделала. - Наташа пожалала плечами.

- Я и сама не понимаю. Маме дай только повод. В последнее время она словно с ума сходит. Следит за каждым шагом.

- Ей просто не дает покоя ситуация, что ты бываешь у отца, - Наташа скептически хмыкнула.

- Не так часто, как мне бы хотелось, - горько отозвалась Яна.

Яна надеялась, что совсем переедет к нему, как получит подтверждение своего поступления в педагогический институт. Инстинктивно старалась не думать о матери. Оглядела зал. Публики собралось не так много, но достаточно, чтобы затеряться среди других девушек.

- Поговори с ней. Это нормально, что она переживает за тебя.

Яна попыталась улыбнуться, но уголки губ дрогнули, выдавая глубокую, осевшую внутри тревогу. В памяти всё еще стоял звон недавней безобразной сцены. Она-то надеялась, что мама обрадуется её раннему возвращению от «дедушки с бабушкой», но вместо объятий наткнулась на стену ледяной ярости. Мать заперла входную дверь на все обороты и коротким, хриплым тоном запретила даже подходить к окну. Когда Яна попыталась возразить, воздух словно наэлектри-

зовался.

- Представляешь, она дала мне пощёчину, - тихо произнесла Яна, коснувшись щеки, которая, казалось, до сих пор горела. - Запретила спорить с ней. А ты хочешь, чтоб я поговорила. Думаю, это будет стоить мне выбитых зубов или фингала под глазом. А это она еще не знает, что Стёпа приехал.

Наташа возмущённо хрустнула пальцами, этот звук в тишине зала прозвучал как выстрел. Кто-то обернулся.

- Она точно не видела этого парня?
- Я уверена, что нет. Она бы обязательно мне сказала.
- Тогда за что?! За что она ударила тебя?! Это же дикость!
- Попробуй, докажи ей, - Яна безнадежно повела плечом. - Я не знаю за что. Со вчерашнего дня она странно себя ведет.
- Она что выпила?
- Вроде бы, я не поняла. Она вела себя непонятно, даже не села за компьютер, как обычно. Просто заперлась в ванной на два часа. А потом ушла в свою комнату и снова заперлась. В доме даже корки хлеба нет, а ей все равно.

Наташа лениво обвела взглядом пыльные портьеры зала.
- Пора тебе брать хозяйство в свои руки.
- Нет уж. Я в этом доме ничего не хочу делать. Поскорее бы уехать к папе.
- Наверное, всё из-за развода. Переживает, бесится. А чего они вообще разбежались?

Яна замолчала, выправив спину и до боли скрестив руки

на груди. Вопрос подружки упал в её сознание, как камень. Она смотрела перед собой, но видела не сцену, а серые грозовые облака своих мыслей. Участь родителей после развода была темным лабиринтом. Мать замкнулась, забросила дом, превратившись в комок оголенных нервов. Любое слово отца воспринималось в штыки.

- При мне они старались не вдаваться в подробности. Но после развода у папы все легко сложилось. Он будто выдохнул. Начал новую жизнь. А мама пожалела, что отпустила его. Она раньше говорила, что достойна лучшего мужчины и лучшей жизни. Но теперь ничего не говорит. Да и денег стало меньше. Она запрещает много тратить, хотя папа постоянно мне выдает на карманные расходы.

- Если бы у моего отца появилась другая, то я не стала бы общаться с ним. Это отвратительно. Я бы закинула его в черный список.

Они помолчали, стараясь смотреть на сцену, где что-то говорила желтоголовая женщина. Яна не стала оправдываться в своей любви к отцу. Ей и в голову не приходило закинуть его в черный список.

- Смотри, вот и он! - Наташа резко толкнула Яну локтем. Та замерла, пытаясь скрыть робкую улыбку.

На сцену, залитую агрессивным светом, вышел Максим. На нём были узкие джинсы и белая футболка, которая обтягивала его рельефный торс, словно вторая кожа. Волосы собраны в тугую, безупречный хвост. Он не просто вышел, он

занял пространство. Его взгляд, холодный и цепкий, пробежал по рядам.

- Тебя высматривает, - прошипела Наташа с плохо скрываемым восторгом.

Яна застыла, стараясь дышать ровно. Она была бесконечно рада своей догадке надеть темные очки, за темными стеклами было так удобно прятать лихорадочный блеск глаз. Максим стоял на сцене, купаясь в лучах прожекторов. Он уже не смотрел в их сторону. Его взгляд скользил по первым рядам, он небрежно махал рукой, ослепительно улыбаясь залу.

- Посмотри на него! До чего смешной. И что ты в нем нашла? - Наташа приглушенно рассмеялась. - Самоуверенный тип! Наверняка чувствует себя богом среди этих дурочек. Смотри, как они к нему тянутся, будто под гипнозом. Форменные собачонки!

- Да ладно тебе, - тихо обронила Яна. - Мы просто друзья.

- Конечно, вы просто друзья. – Смеялась Наташа. - Для этого мы таскаемся на эти дурацкие репетиции, чтобы из зала посмотреть на твоего друга. Между прочим, еще одному твоему другу, то есть Степану, совершенно не понравится, если он увидит нас здесь.

- Он не увидит.

- Ты ему не скажешь?

Яна не ответила. Казалось не услышала вопрос. Но Наташа не собиралась отставать.

- Кажется, после Нового года ты отказала Максиму? Тебе не понравились его дружеские объятия?

- Хватит. Мы просто поставили на паузу отношения.

- А было что ставить? Мы могли бы прогуляться, а не торчать здесь. Что-то я тебя не понимаю.

Яна не ответила, не сводя замороженного взгляда с Максима. В этот момент руководительница студии властным жестом оборвала музыку и заставила его исполнить что-то совершенно неожиданное - стилизованную под современность русскую народную песню. Голос Максима звучал чисто, почти академично.

- Оказывается, он не только рэп может петь! - удивилась Наташа.

- Читать, - машинально поправила Яна.

- Что?

- Рэп читают, а не поют, Наташ.

- Да какая разница? Как по мне, оба формата тоска смертная.

- А, по-моему, круто, - упрямо шепнула Яна.

- Рэпер должен быть брутальным, со шрамами от драк, - Наташа скептически скривила губы. - А это кто? Модель с обложки «Правила жизни»? Поет «про березки», а в интернете корчит из себя Эминема.

Яна промолчала, впитывая каждое движение Максима на сцене. Она не обижалась на подругу. Наташа всегда такая.

- Между прочим, - Наташа понизила голос, - ты видела,

сколько девчонок пасется на его странице?

- Ну и что?

- Запрети ему это дело, когда начнете встречаться по-настоящему.

- Зачем мне это? Тогда и он мне запретит вести страницу. А я к этому не готова. - Улыбнулась Яна.

- Так значит ваша дружба под большим вопросом? Выбираетесь на новый уровень? То-то я смотрю, про своего Степана больше не рассказываешь.

Яна пожала плечами, давая понять, что не собирается говорить на эту тему.

Она смотрела на Максима и видела идеальную картинку. Но где-то на периферии сознания всплыл образ угрюмого человека со скамейки. Тот был настоящим, тяжелым и пугающим. Яна с удивлением подумала о том, что совершенно не знает мир. Скоро она станет жить одна. И ей придется влиться в тот разнообразный социум, где есть глупые, некрасивые, грубые, бесчувственные. Есть инвалиды. Есть с физическими несовершенствами. Такие, как тот человек.

На какой-то миг она переключилась от созерцания сцены на осторожные мысли, которые заставляли нервы напрягаться. Она не любит несовершенства. Она боится таких людей. Почему он так смотрел на нее?

Будто знает давно и хотел что-то спросить.

Репетиция подошла к концу. Зрители потянулись к выходу, но Яна и Наташа не спешили, решив дождаться, пока зал

окончательно опустеет. Полумрак студии теперь казался Яне не убежищем, а ловушкой. Мысли загоняли ее в тупик. Она не хотела думать о странном человеке, хотела наслаждаться вечером, приятной компанией, но что-то мешало.

- А если он сейчас просто возьмет и подойдет к нам? – Спросила Наташа.

- Я не настроена... не сегодня. Не в таком виде.

Наташа почти вызывающе расхохоталась.

- Будь я на твоём месте, я бы уже давно сама к нему подошла. Какая разница, что у тебя за вид?

Этот смех эхом разнесся по притихшему залу. Максим, мгновенно вскинул голову и обернулся. Его взгляд был прямым и узнающим. Яна почувствовала, как по спине пробежал электрический разряд, и резко вскочила.

- Пошли отсюда! Живо!

- Да подожди ты, самое интересное начинается! – Наташа лениво, как кошка, потянулась.

- Как хочешь. А я ухожу.

Яна выбежала из зала, не оборачиваясь. Наташа нагнала её, только когда она уже переходила дорогу. Небо над поселком внезапно потяжелело, солнце скрылось за свинцовой пеленой, и на пыльный асфальт упали первые тяжелые капли.

- Только этого не хватало! - выдохнула Наташа.

Она схватила Яну за руку, и они припустили по аллее, ведущей к дому. Резкие порывы ветра хлестали по лицам, вырывая пряди из кос. Задыхаясь от бега и нервного смеха, они

ворвались в двери ближайшего магазина, отряхивая воду с одежды.

Яна стояла у витрины, пытаясь выровнять дыхание. Снаружи мир затянуло серой пеленой дождя. Она механически полезла в сумку за телефоном, и её сердце пропустило удар. На экране светилось десять пропущенных от Степана и одно сообщение от скрытого номера, пришедшее ровно в ту минуту, когда они выбегали из зала. Она догадалась, что Максим узнал ее. И ей стало неловко от того, что он понял, она была там ради него.

- Купим печенье и лимонад, - предложила Яна, стараясь унять дрожь в голосе. - Дома заварим чай.

Они потянулись к кассе, лавируя между рядами, когда Наташа едва не влетела в ведро с грязной водой. Она вскрикнула, резко отпрянув в сторону. У прилавка, тяжело навалившись на швабру, стоял уборщик. Его фигура казалась изломанной. Яна тут же узнала его.

Уборщик медленно, без единого слова, переставил ведро. В этот момент их глаза встретились. Яна почувствовала, как по коже пополз пронизывающий холод, этот взгляд был тяжелым, слишком осознанным для случайного рабочего. Она поёжилась и резко отвернулась. И снова ей показалось, что он знает ее.

Испугалась до умопомрачения. Неужели сталкер? Или психически больной? Необходимо срочно проверить свою страничку в интернете. Конечно, он следит за ней через сеть.

Она никогда не видела его в поселке, он появился недавно. Из-за нее. Это написано на его лице.

- Пойдем отсюда! Быстрее! - выдохнула она, хватая подружку за локоть.

- А как же лимонад? Я пить хочу.

- Черт с ним. Дома есть кофе и чай, пойдем.

Они выскочили на улицу, где дождь уже превратился в плотную водяную стену. Добежав до конца аллеи, Яна не выдержала и обернулась. Сердце ухнуло куда-то вниз, темный силуэт уборщика четко проступал на фоне ярко освещенных витрин магазина. Он стоял на крыльце и неподвижно смотрел им в след.

- Станный тип, - прокричала Наташа, тоже останавливаясь и щурясь от капель дождя. – Такой взгляд... как у столетнего деда, который видел всё самое худшее. И этот горб... Ужасно. Жалко его, он же молодой совсем.

- Такие люди ненавидят всех и всем желают того же, что происходит с ними.

- Ты так думаешь?

Яна кивнула, не в силах отвести глаз от черной фигуры.

- Так и есть. Как будто мы виноваты в его уродстве.

- Зачем он вообще вышел за нами на улицу? - голос Наташи дрогнул. - Думаешь, он сумасшедший? Или маньяк?

- Вполне может быть. Смотри, он не уходит...

Девушки стояли под проливным дождем, промокшие до нитки, парализованные странным оцепенением.

- Пусть видит, что мы его не боимся! - внезапно выкрикнула Наташа, храбрысь, и вызывающе погрозила кулаком в сторону магазина.

- Не надо. Он подумает, что мы его зовем.

В ту же секунду фигура на крыльце пришла в движение. Уборщик медленно, ступенька за ступенькой, начал спускаться вниз, направляясь прямо к ним. Его походка была неровной, но пугающе решительной.

Короткий визг и девушки, не сговариваясь, бросились бежать. Они летели по лужам, не разбирая дороги, слыша лишь собственное частое дыхание и тяжелые удары сердца, пока впереди не показался спасительный дом Яны.

Дома царила тяжелая, ватная тишина. Мама спала в своей комнате, и её мерное дыхание за закрытой дверью казалось Яне лучшим подарком за этот безумный вечер. Наташа, всё еще дрожащая от страха, наотрез отказалась заходить в гости. Она позвонила родителям и через несколько минут они приехали за ней. Наташа попрощалась с подругой и, не оглядываясь, скрылась в пелене дождя.

Яна сбросила промокшую до нитки одежду прямо в барабан стиральной машины. Теплая коричневая пижама с забавными мишками и пушистые тапочки вернули ей чувство реальности. Она щелкнула кнопкой чайника, вдыхая аромат заваривающегося кофе. В хлебнице обнаружилась зачерствевшая слойка с вишневым джемом, маленькое утешение после большого побега.

Она включила телефон. Экран вспыхнул: семь новых сообщений и целая россыпь обиженных смайликов.

«Ты была на репетиции?»

«Да», - пальцы Яны едва касались сенсора.

«Почему так быстро ушла?»

«А ты... хотел меня увидеть?»

«Очень хотел. Не могу больше ни о ком думать. Можно позвонить?»

«Мама спит», - быстро набрала она, бросив взгляд на тем-

ный коридор.

«Когда проснется?»

«Я тогда наберу сама».

«Буду ждать, любимая».

Яна замерла, забыв о чашке с кофе. Одно слово - «любимая» заставило мир вокруг засиять. Она прижала телефон к груди, чувствуя, как лицо заливают краски. Жизнь казалась невероятным подарком. Она представляла их первую официальную встречу, свои распущенные волосы, его восхищенный взгляд. Она знала, что красива - об этом кричали взгляды парней на улице. Она была уверена, что красота её главный щит и пропуск в счастливое будущее.

Дисплей погас, но тут же мигнул снова - прилетело алое сердечко. Яна сладко вздохнула, зажмурившись от удовольствия.

- Когда ты пришла?

Яна вздрогнула так сильно, что едва не выронила слойку. Мать стояла на пороге кухни бледная, заспанная, в старом халате. В полумраке её фигура казалась тревожной тенью. Яна, всё ещё пребывая в плену грез о поцелуях, невольно улыбнулась.

- Хорошо, что вернулась до темноты, - тихо, почти безжизненно добавила мать, глядя не на дочь, а куда-то в сторону окна, за которым всё ещё бесновался дождь.

- Дождь на улице, мам. Темно стало раньше времени.

- Не в этом дело. Ты никого не встретила? - голос матери

прозвучал глухо, надтреснуто.

- Мы были с Наташей. За ней приехали родители. Она не захотела оставаться у нас в дождь. А кого я должна была встретить?

- Ну, может быть к тебе кто-то подходил?

Она опустилась на стул напротив дочери. В желтом свете кухонной лампы темные круги под глазами казались глубокими провалами, которые невероятно старили её. Она выглядела не просто уставшей, в облике сквозило нечто болезненное, почти безумное. Яна, стараясь не встречаться с ней взглядом, отрицательно покачала головой, потом быстро допила кофе и вымыла чашку, чувствуя, как уют пижамы с мишками дает трещину.

- Я к себе в комнату, ладно?

- Постой.

Яна замерла. Напряженная, стройная, пронзительно свежая на фоне поникшей матери, она воплощала собой ту жизнь и красоту, которые Полина Юрьевна, казалось, пыталась защитить. В глазах девушки читалось лишь одно желание, избежать очередной изнурительной сцены.

- Прости за вчерашнее. - Полина Юрьевна отвела взгляд.

- Всё нормально, мам.

Яна отвернулась к окну, кусая губы, чтобы не расплакаться от обиды. Минуту назад она летала на крыльях любви после сообщения Максима, а теперь её снова затягивало в болото чужого отчаяния. Мать тем временем привычным дви-

жением достала из холодильника бутылку вина.

- Просто я боюсь за тебя, Яна. Очень боюсь.

- Я понимаю, - Яна готова была соглашаться на что угодно, лишь бы уйти и закрыться в своей комнате.

- В жизни бывают ошибки, которые дают опыт, а бывают такие... которые убивают.

Яна внутренне сжалась. Она была уверена сейчас начнется очередной поток обвинений в адрес отца, попытка очернить его и перетянуть дочь на свою сторону. Но Яна уже давно не ребенок. Она устала от прошлого. Тем более это прошлое, со слезами и истериками- не ее. Она не собирается каждый день разбирать кто не прав, а кто жертва. Она нетерпеливо переступила с ноги на ногу, глядя на часы.

- Если к тебе кто-то подойдет на улице... – Полина Юрьевна вдруг подалась вперед, её пальцы судорожно сжали край стола. - Если станут говорить обо мне гадости, рассказывать какие-то странные истории - не верь! Слышишь? Не верь ни единому слову! А лучше, сразу уходи и говори, что вызовешь полицию.

- Мам, ну кто ко мне подойдет? Кому это нужно? Здесь все друг друга знают. Не переживай ты так.

- Не все друг друга знают. Здесь уйма посторонних людей. Снимают дачи, приезжают в гости. Постоянно кто-то ошибается. Особенно около магазина. - Она на секунду замерла, прислушиваясь к шуму дождя за окном.

Яна насторожилась. Холодок, возникший при виде горбу-

на, снова пробежал по спине.

- Мам, я чего-то не знаю? Что случилось?

- Да ничего не случилось, - она вдруг резко переменилась в лице, её взгляд стал жестким. - Если надо, то мы сумеем себя защитить.

- От кого, мама? - голос Яны сорвался на шепот. - От кого нам защищаться?

Но Полина Юрьевна не ответила. Она лишь снова припала к бокалу, глядя в темноту коридора так, словно ожидала увидеть там чью-то тень. Яна пристально вглядывалась в женщину напротив и с нарастающим ужасом понимала, она не узнает собственную мать. Та словно постарела на десятилетие за те несколько часов, что Яна провела вне дома. Речь стала вязкой, невнятной, голос то и дело прерывался болезненным хрипом, будто матери не хватало воздуха в собственной кухне. Спутанные волосы и мелкая, лихорадочная дрожь в пальцах дополняли картину полного распада.

- Мам, может... давай я сделаю тебе кофе? Крепкий, как ты любишь. - Голос Яны дрогнул.

- Не надо! Я выпью только один бокал вина. Один.

Резкий, почти звериный окрик заставил девушку отшатнуться. Она почувствовала себя чужой в этом доме, где каждый угол внезапно стал враждебным.

- Ты не понимаешь! - мать внезапно сорвалась на крик, её глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит. - И никогда не поймешь, что значит остаться одной! Живешь на всём

готовом, за моей спиной, никаких проблем не знаешь!

Яна сделала еще шаг назад. Слова матери били наотмашь, но вместо сочувствия она чувствовала лишь глухое отвращение. Эта истеричная требовательность жалости вызывала в ней только желание защититься, закрыться, исчезнуть. Она стояла как истукан, чувствуя, как предательски потеют ладони.

- Есть человек... - мать понизила голос до зловещего шепота, - человек, который хочет причинить вред нашей семье. Тебе и мне, Янка. Только тебе и мне. Тебе даже еще больше.

- Мам, ну кому до нас есть дело? - Яна попыталась воззвать к логике, хотя сердце уже колотилось в горле. Ей хотелось приложить руку к груди, чтобы успокоить его. - Мы обычные люди. Мы никому не нужны.

- Глупая девчонка! Ты ничего не знаешь!

Яна всерьез подумала о том, чтобы незаметно уйти в коридор и позвонить отцу. Мысли путались: что это? Белая горячка? Или у матери начался психоз? Какие враги могли материализоваться в её воображении среди обычного буднего дня?

- Он всё про нас знает! - мать со стуком поставила бокал на стол. - Он приехал сюда... он уже здесь, чтобы уничтожить нас!

- Кто, мама? Кто «он»?!

- Ты его не знаешь... - мать вдруг резко поникла, словно из неё выпустили воздух.

Она трясущимися руками налила себе еще вина, выпила залпом и начала судорожно хлопать по карманам халата. Достала пачку сигарет и чиркнула зажигалкой. Яна поморщилась от едкого запаха, который никогда прежде не наполнял их дом. Мать никогда не курила при папе. Никогда.

В этот момент что-то окончательно надломилось внутри Яны. Видеть, как близкий человек превращается в неузнаваемую, пахнущую табаком и страхом тень, было невыносимо. Она поняла: их прежняя жизнь рассыпалась, и из этой пыли медленно поднимается кто-то чужой.

Этот кто-то уже здесь.

- Иди, дочка. Но помни, возвращайся до темноты. А лучше... - мать запнулась, и её голос дрогнул, - лучше тебе пока пожить у отца.

Яна замерла. Эти слова ударили сильнее пощечины. Мать, которая долго строила баррикады между ней и папой, теперь сама выталкивала её из дома. Что происходит?

- Иди, мне нужно побыть одной, - отрезала мать, отворачиваясь к окну.

Яна ушла к себе, чувствуя, как дом наполняется предчувствием беды. Она знала, сейчас мать допьет вино и провалится в тяжелый сон. Девушка подошла к открытому окну. На горизонте догорали розовые облака, пронзительно красивые. Тишина в комнате была такой густой, что слышался каждый стук дождя по подоконнику.

Пытаясь спастись от реальности, Яна открыла переписку

с Максимом. Она перечитывала его слова о любви, цепляясь за них, как утопающий за соломинку. Но образ матери, её трясущиеся руки и внезапная сигарета, вспыхивал в сознании яростным костром, выжигая всю романтику. Позвонить отцу? Страх нового скандала сковывал волю. Что, если это просто мания преследования? Что, если мать действительно сошла с ума?

Яна уже собиралась закрыть окно и включить свет, чтобы разогнать липкие сумерки. Она сделала глубокий вдох, наполняя легкие влажным воздухом, и зажмурилась. И в этот миг тишину прорезал звук шагов. Ритмичный, тяжелый хлоп-пающий звук по грязи.

Она резко распахнула глаза и прильнула к стеклу. Возле соседского дома, в неверном свете уличного фонаря, двигалась одинокая фигура. Промокший насквозь, в широких штанах и толстовке с накиннутым на голову капюшоном, прохожий казался частью самого дождя. Яна вгляделась пристальнее и почувствовала, как сердце замерло, это был он.

Тот самый горбун.

Он не бежал от ливня, не прятался. Он шел медленно, словно совершал ритуальный обход. Девушка знала, что она дома, за запертой дверью, и страх не был таким острым, как в сквере. Её захлестнуло жгучее любопытство: откуда он здесь? К кому идет?

Уборщик был уже в нескольких шагах от их забора, когда внезапно, словно почувствовав на себе её взгляд, остановил-

ся. Он медленно, почти механически поднял голову. Капюшон соскользнул назад, и его глаза, те самые пронзительные, «столетнего деда» глаза, впились прямо в её лицо.

Яна отпрянула от окна так резко, что телефон выскользнул из рук и со стуком упал на ковер. Ужас, чистый и ледяной, искажил её лицо. Но человек внизу лишь плотнее натянул капюшон, скрывая черты, и размеренным шагом двинулся дальше, вглубь переулка.

Яна долго сидела на полу, боясь пошевелиться, прислушиваясь к шорохам за окном. Потом осторожно поднялась, морщась от ломоты затекшего тела. Выглянула в окно. Никого.

Выдохнула, с силой захлопнула раму и задернула тяжелые шторы, отсекая себя от страшного мира. В комнате стало душно. Щелкнула настольная лампа, залил стол нервным желтым светом. Яна опустилась на пол, шаря руками под кроватью в поисках телефона. Кровь оглушительно стучала в ушах, щеки горели. Наконец, нащупав аппарат, она дрожащими пальцами коснулась экрана и набрала номер.

- Привет... - выдохнула она, когда на том конце сняли трубку.

- Привет. Я уже ждался, - нежный, глубокий голос заставил её вздрогнуть.

Яна попыталась улыбнуться своему отражению в темном зеркале шкафа, но вышло жалко.

- Ты какая-то грустная, - мгновенно отозвался он. - Я чув-

ствую. Всё хорошо?

- Да... просто дождь на улице. Никуда не выйдешь.

- А как же наша встреча? - в его голосе проскользнула холодная нотка. - Надеюсь, ты не пытаешься её отменить?

- Нет! Что ты! - Яна испугалась собственной резкости. Сердце всё еще колотилось о ребра, а перед глазами стоял тот силуэт в капюшоне, провал тьмы вместо лица. Волосы растрепались, глаза повлажнели от подступивших слез. Она никогда, даже в самых мрачных фантазиях, не примеряла на себя роль жертвы маньяка. Ей хотелось рассказать об этом Максиму. Ведь для этого она ему и позвонила. Но слова застревали, терялись и растворялись в воздухе. Она не могла себя заставить, потому что боялась, что он не поверит. По-считает ее нервной.

- Ян... ты здесь?

- Да, я тут. Немного расстроилась из-за мамы. Она слишком меня опекает.

- Не переживай. Все родители такие, пытаются удержать то, что им не принадлежит. К тому же, у тебя мировая мама.

- Мировая. У тебя так не бывает? - она судорожно вздохнула, пытаясь переключиться на его спокойствие.

- Бывает. Мать пытается воспитывать меня, когда приходит проводить... иногда это утомляет.

- Ты... ты живешь не с родителями? - Яна искренне удивилась. В её представлении приличный парень обязательно должен был находиться под крылом семьи.

- Конечно, - в трубке послышался короткий, самоуверенный смешок. - Я уже большой мальчик, Яна. И я сам решаю, когда мне выходить из дома. И с кем встречаться. Мои родители живут в городе, а мне отдали дачу. Это удобно для всех.

Яна слушала его и чувствовала, как страх перед горбуном начинает отступать, вытесняемый этим властным, манящим голосом. Максим не даст ее в обиду.

Она не заметила, как из-под закрытой двери её комнаты потянуло тонкой струйкой табачного дыма, мать медленно ходила по коридору, вероятно прислушиваясь.

Яна продолжала беспомощно сидеть на полу, сжимая телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев. Она твердо решила, Максиму она сейчас ничего не расскажет. Вот когда они встретятся, когда он обнимет её своими сильными руками, тогда все страхи исчезнут.

А если уборщик всё же решит вернуться, Максим разберется с ним в два счета.

- Какую музыку сейчас слушаешь? - его голос в трубке звучал лениво и уютно.

- Ничего не слушаю... у меня тут слишком тихо.

- А я вот не могу без звука, - он явно улыбался. - В моей квартире музыка не затихает ни на минуту. Обожаю, когда стены вибрируют.

- И что у тебя играет прямо сейчас?

- Ты не слышишь? Дженнифер Лопес и Питбуль, «On The Floor». Старый добрый драйв.

- Боже, я, кажется, сто лет её не слышала! - Яна невольно засмеялась, чувствуя, как ледяной ком в груди начинает таять.

- О, детка, тогда слушай. Сейчас сделаю погромче, специально для тебя. И запомни, музыка лечит.

Она плотнее прижала телефон к уху. Слёзы облегчения сами собой потекли по щекам, оставляя на них влажные дорожки. Как же ей повезло! В этом сумасшедшем мире, где мама ведет себя странно, а по улицам бродят тени в капюшонах, у неё есть он. Самый красивый, самый сильный, самый лучший. Да, Новый год был их ошибкой. Но теперь они начнут все заново.

Дисплей телефона тускло освещал её комнату. Яна закрыла глаза, представляя, как они танцуют под эту музыку в его большом красивом доме, где нет места страху.

А за дверью её спальни Полина Юрьевна перестала ходить по коридору и теперь, затаив дыхание, прислушивалась к смеху дочери, сжимая тонкие пальцы в кулаки.

«Как дела? Где пропала?»

«Сейчас я у папы. Нет времени даже написать. Прости»

«О, классно. Тогда давай встретимся. Он же у тебя вроде в Нижнем живет»

«Не могу, приболела немного. Я напишу, как вырвусь»

«Могу чем-то помочь?»

«Все хорошо. Я не одна»

«Я скучаю»

«Тоже так»

Яна металась по комнате в лихорадке. Из шкафа были выброшены все вещи, перемерены все платья, а рыжие пряди, вымытые лучшим шампунем, теперь рассыпались по плечам, пахнущие миндалем и пионом.

Наташа развалилась в кресле и пересматривала альбом с фотографиями. На ней были коротенькие шорты и гипюровая майка. Длинные ноги идеальной гладкости она закинула на подлокотник, чувствуя себя в доме Астафьевых как своя.

- Надень красное платье, - лениво советовала она. - Будешь гармонично смотреться с букетом.

- Не хочу красное, в нём жарко, - Яна едва не плакала, нервничая все больше.

- Тогда белое, ещё лучше.

- Как невеста! Нет уж! - Яна судорожно перебирала вещишки.

- Розовое.

- Дурацкое, как Барби!

- Ну тогда фиолетовое с радугой!

- Нет! Только не фиолетовое.

- Что же ты хочешь?

- Чёрное с вышивкой!

- Как монашка, - Наташа усмехнулась, закрывая альбом с сухим стуком. – У тебя не траур и не месса. Тем более оно длинное, закрывает колени. Надо сделать паузу. Трудное дело собрать тебя на свидание. Эх, знать бы, в чём он придёт! Мы бы подобрали что-то в тон его рубашке.

- Вдруг он придёт не в рубашке? - Яна замерла, глядя на свое отражение.

- Обязательно в рубашке, вот увидишь. В этот раз все серьезно всё-таки, огромный букет роз, который он заказал в лучшем магазине, я уверена. Боже, как романтично. Не забудь наделать фоток. Отметишь меня одной розой из букета, как-никак я помогаю тебе собираться.

Яна подошла к окну, щурясь на солнце. Сила предчувствия давила на грудь. Ночной сон ничего не дал, тревога изводила страшными предположениями.

В этот момент дверь в комнату бесшумно отворилась. На пороге стояла Полина Юрьевна. Безупречная, холодная, в строгом домашнем платье. Она обвела взглядом беспорядок

из одежды и задержала взор на Яне.

- Слишком много суеты для выхода на улицу, - ровно произнесла она. - Ты выглядишь бледной, Яна. Может, тебе стоит остаться дома? Наташа придет в другой раз. Успеете прогуляться.

- У неё встреча с Максимом, - как бы случайно обронила Наташа, потянувшись в кресле. — Он ей подарит букет из семидесяти семи роз. Как-то не вежливо прийти на это свидание в шортах и майке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.